

Расширение угольных копи сулило бесчисленное множество забот и хлопот. Лэй Чжэнь и Чжоу Сюэси просидели склонившись над расчетами почти до глубокой ночи, прежде чем им удалось окончательно утвердить все детали. Проявив предельную, просто невероятную бережливость, Лэй Чжэню с огромным трудом удалось урезать общий двадцатитысячесеребряный бюджет проекта почти на тридцать тысяч таэлей серебра, но эти высвободившиеся деньги тут же, словно голодный хищник, жадно поджидавший в засаде, проглотил Дун Фухэ.

Угольные копи хотя бы существовали наяву — стоило вложить в них средства, как они тут же начали бы приносить доход. С Машинным же управлением дела обстояли из рук вон плохо: там царила абсолютная, звенящая нищета. Сейчас у Лэй Чжэня, помимо Дун Фухэ и его людей, не было за душой вообще ничего.

— Господин Лэй, чтобы восстановить сталелитейный, оружейный и пороховой заводы Машинного управления, прежде всего необходимо закупить оборудование. Я подумываю в ближайшие дни съездить на западное побережье Америки, посмотреть, нельзя ли присмотреть там бывшие в употреблении станки... — произнес Дун Фухэ, обращаясь к Лэй Чжэню, который как раз массировал уставшие виски, когда вопрос с первоначальным финансированием сдвинулся с мертвой точки.

Мысль Дун Фухэ съездить в Америку была отличной возможностью заранее заложить фундамент будущего дела. По сравнению с отсталым Китаем, американские материальные возможности выглядели куда солиднее. Если действительно удастся вывезти оттуда кое-какое списанное там, но имеющее огромный спрос в Китае добро, это может оказаться колоссальным подспорьем для дальнейшего развития.

При этой мысли Лэй Чжэнь поднялся, легко хлопнул Дун Фухэ по плечу и мягко произнес:

— Что ж, Фухэ, я горячо поддерживаю твоё желание съездить на родину американцев. Однако на сей раз твоё цель — не только покупка подержанных станков для Машинного управления. Ты должен внимательно присмотреться к тому, в чём именно остро нуждаются американцы, и подумать, не сможем ли мы, в свою очередь, заработать на этом у янских варваров звонкую монету. Если тебе действительно удастся сделать какое-то полезное открытие, эту поездку можно будет считать не напрасной.

— Господин Лэй, вы говорите о том, чтобы нажиться на чужеземцах... Разве это возможно? Мы слишком бедны и безнадежно отстали, — нерешительно проговорил Дун Фухэ, и в его голосе явственно слышалась неуверенность.

— Чего бояться бедности? И отсталость вовсе не страшна. Страшно другое — когда, осознавая свою отсталость, как это делает нынешний императорский двор, люди продолжают безмятежно бездействовать, воображая себя пупами земли. Вот это по-настоящему плачевно! Так что твоё путешествие в Америку — вовсе не праздная туристическая прогулка, а путешествие, возлагающее на тебя великую миссию. Фухэ, я надеюсь, что по возвращении ты порадуешь меня сюрпризом — сюрпризом не только для меня, но и для всего нашего народа!

Голос Лэй Чжэня звучал все более вдохновенно, а в последних словах и вовсе прозвучал звенящей сталью, вырвавшись прямо из глубины груди.

Эти слова долго зрели в его сердце, тяжелым камнем залегая на душе. Сегодня, в присутствии Дун Фухэ и Чжоу Сюэси, он наконец высказал их вслух, почувствовав невероятное облегчение.

— Господин Лэй, а вы не боитесь, что я сниму деньги со счета в Сити-банке и просто сбегу? — спустя долгое время, оправившись от пережитого волнения, напрямик спросил Дун Фухэ.

— Боюсь. Конечно боюсь, — сурово ответил Лэй Чжэнь. — Если ты, Дун Фухэ, присвоишь эти семнадцать сотен... эти семнадцать тысяч... кхм, семнадцать десятков тысяч таэлей, мне, пожалуй, придется отправляться топиться в море. Но я верю тебе. Верю человеку, которого выбрал сам, — ты меня не разочаруешь. Я еще больше верю в то, что такие соотечественники, как Фухэ и Цзичжи, искренне желающие процветания и могущества Китая, никогда не поступятся государственными интересами в угоду личной выгоде. Я верю!

Его голос в этот момент звучал глухо и сурово, отчего у слушавших его Чжоу Сюэси и Дун Фухэ в груди вновь забурили нешуточные страсти, а накал чувств грозил вырваться из-под контроля.

— Господин Лэй, я знаю, каким тяжелым трудом добыты эти деньги. Будьте спокойны: отправляясь в Америку, я не посрамлю вашего доверия и приложу все силы, на какие только способен. Ждите хороших новостей! — громко произнес Дун Фухэ.

Что может быть дороже доверия? Что может быть важнее процветания и мощи родной страны? Ничего.

Если ты китаец — расправь свои хрупкие плечи, взвали на них ношу родной земли и шагай вперед сквозь любые преграды. Бедность не страшна, усталость — сущая мелочь. До тех пор, пока в груди горит неугасимый огонь, нужно идти вперед, не оглядываясь назад. И когда так поступят миллионы и миллионы людей, наша страна и наш народ дождутся дня истинного возрождения.

Прошло уже два дня с тех пор, как Дун Фухэ попрощался со всеми и отбыл на пароходе. Все это время Чжоу Сюэси таскал Лэй Чжэня за собой, инспектируя пять главных шахт — в Чжаогэчжуане, Таншане, Танцзячжуане и других местах. Со стороны это выглядело точь-в-точь как проверка безопасности на производстве, проводимая государственным ведомством. Разумеется, учитывая примитивный уровень угледобычи в ту эпоху, Лэй Чжэнь со своей свитой ограничивался лишь беглым осмотром устьев шахтных стволов, после чего сразу поднимался на поверхность.

Эх, соображения безопасности перечеркнули самую идею спуститься к рабочим в забой и устроить там совместный праздник.

Ну что ж, в таком случае придется компенсировать это льготами по оплате труда — своеобразное покаяние за то, что в свое время они заменили твердую древесину тополем. Лэй Чжэнь проявил завидную щедрость при утверждении расценок для шахтеров: отныне любой горняк, спускавшийся под землю на его рудниках, получал жалованье на пять процентов выше прежнего. Не стоит пренебрегать этими пятью процентами — для простых работяг это было первое в их жизни повышение зарплаты.

— Эй, ты слышал? Ли-младший из Чжаогэчжуанской шахты вчера хвастался мне, что получил вот столько! — в грязном, занюханном трактире у шахтерского послка группа покрытых угольной пылью рабочих за дешевым сивушным вином шумно обсуждала последние новости.

Этих работяг мало интересовала большая война между заморскими дьяволами и маньчжурским правительством — куда больше их волновало количество серебра, которое удавалось зажать в кулаке в конце дня.

Под столом черные, мозолистые руки жадно пересчитывали невидимые монеты, а на лицах некоторых уже проступал восторг.

— Дахэй, ты уверен, что это правда?

— Ошибки быть не может! Завтра же иду записываться на шахту в Чжаогэчжуане. А если там не останется мест — подамся в Танцзячжуан или Таншань. Короче говоря, где горное управление набирает людей — туда я и пойду!

— Хэ, зови меня завтра спозаранку, пойдем вместе.

Лэй Чжэнь никак не ожидал, что его сиюминутная мягкотелость вызовет столь мощную цепную реакцию. В эти дни у дверей Горнодобывающего управления толпы желающих устроиться на работу буквально штурмовали порог. Шел август 1900 года по григорианскому календарю, и скромное решение Кайланьских угольных копи поднять заработную плату спровоцировало настоящий исход рабочей силы.

Пятипроцентная разница в оплате в мгновение ока лишила мелкие кустарные шахты всякой возможности конкурировать с крупными Кайланьскими копиями. Не имея достаточного числа рабочих рук, те владельцы уже не могли удовлетворить потребности рынка, как бы ни снижали цены на уголь. А сорвать сроки поставки угля — это смерти подобно.

В сложившейся ситуации Кайпинское горнодобывающее управление, постепенно превращавшееся в монополиста, одержало безоговорочную победу в первом же раунде противостояния.

Видя столь явное превосходство в конкурентной борьбе, Чжоу Сюэси, еще недавно ходивший чернее тучи из-за решения Лэй Чжэня заменить прочную древесину тополем, теперь сиял от уха до уха. Непрерывно одерживая верх за столом переговоров, он больше не ломал голову над

тем, как сбывать уголь: покупатели толпились за ним по пятам с готовыми деньгами наперевес, ожидая лишь кивка почтенного управляющего.

Все механизмы рудников работали как часы.

Помимо самоотверженного труда самих шахтеров, этим успехом во многом были обязаны бойцам охранного отряда под началом Сун Чжаньбяо.

В это смутное время, когда сила решает всё, любые начинания обречены на провал без надежной военной защиты — и человек с армейским прошлым, подобный Лэй Чжэню, понимал это как никто другой.

Именно поэтому он не скупился на щедрое жалование, выделив отдельной строкой ежемесячное содержание для солдат охраны. Когда же слова стали реальностью, бойцы, следовавшие за Лэй Чжэнем в Кайпин, сплотились еще теснее.

По правде говоря, до этого многие из них подались в Кайпинские края просто потому, что им некуда было идти. На поле боя их командиры были либо убиты, либо дезертировали. Что оставалось делать этим простым солдатам? Ничего. И тут вперед выступил Лэй Чжэнь — вот они по инерции и поплелись за ним вслед.

Но совместный марш-бросок еще не означает верности. И совсем другое дело, когда в ладонях звякнуло настоящее серебро: эти простые, простодушные мужики не смогли сдержать слез. Ведь это было первое жалование, выданное им за целый год, — деньги, заработанные потом, кровью и смертельным риском.

Еще сильнее их тронуло то, что эти деньги выплатило не цинское правительство, а Лэй Чжэнь — тот самый молодой человек, который вывел их с поля смерти и привел в Кайпин.

— Наставник Лэй — добрый человек!

— И то верно! Не будь наставника, наши кости до сих пор белели бы где-нибудь в заброшенном поле.

— У меня, Нью Баого, других талантов сроду не водилось — разве что дурной силы хватает с избытком. Слушайте сюда: если кто-нибудь впредь посмеет сказать про господина Лэя хоть одно дурное слово, пусть пеняет на себя — мои кулаки шутить не любят!

Солдаты во все времена были самым простым и чистым народом.

Стоит им прочувствовать чью-то доброту, как они запомнят ее навсегда.

Сами того не замечая, Лэй Чжэнь и эта армия слились в единое целое. И в этот самый момент войска окончательно и бесповоротно превратились в его собственную, несокрушимую ударную силу.

Солдаты Лэй Чжэня получали жалованье в приподнятом настроении, а поскольку шиила в мешке не утаишь, столь радостные вести стремительно разнеслись окрест на крыльях ветра.

В один прекрасный день Сун Чжаньбяо явился к Лэй Чжэню не один, а с гостем. Каково же было удивление Лэй Чжэня, когда этим гостем оказался Ван Сицай — тот самый малый, что некогда едва не подрался с Сун Чжаньбяо из-за желания сбежать в военный лагерь Лутай. Теперь этот хмырь, судя по всему, решил пойти на попятную и вернуться под родное крыло.

— Наставник Лэй... кхм, я тут слышал от старого Суна, что у вас тут жалованье выдают строго по месяцам, не подскажите, правда ли это? Если слухи не врут, нельзя ли позволить мне со взводом верных людей перейти под ваше крыло? — Лицо Ван Сицая налилось темно-сливовой краской. Добрый конь не возвращается к объединенному лугу, но на этот раз он сел в лужу так глубоко, что дальше некуда: променял сытую жизнь на мытарства в Лутаете, а теперь, не имея мочи выживать дальше, притащился каяться.

— Наставник, Сицай уже осознал свои ошибки, сжальтесь, оставьте его! Он ведь привел с собой целый взвод братьев! — как ни странно, этот грубиян Сун Чжаньбяо сам заступался за Ван Сицай. Судя по их примирительному виду, прежние обиды за прошлые драки были благополучно забыты.

Идти в солдаты ради пайки — истина стара как мир.

Самым страшным кошмаром для любого вояки во все времена была задержка жалованья. За годы упадка и гниения династии Цин невыплаты жалованья стали настолько повальным явлением, что даже в зеленой знамени, ополчении, а также в хунаньских и хуаньских армиях сыскался бы едва ли хоть один отряд, где не задерживали бы деньги. А подобные вещи при дурном обращении неминуемо вели к тяжелейшим мятежам.

Изначально Предивая армия Увэй числилась в разряде новых войск, сформированных по особому указу императорского двора, и входила в тройку элитных соединений, так что вероятность невыплаты жалования там казалась невелика. Но теперь все изменилось. После битвы за Тяньцзинь цинские солдаты в лагере Лутай предавались панике и унынию. Гибель Не Шичэна нанесла этому войску самый сокрушимый удар: у них выбили позвоночник, и при дворе больше не осталось никого, кто замолвил бы за этих рядовых бойцов словечко.

Судя по прежним указам высочайшего двора, сочувствием там и не пахло. Более того, в декретах открыто предписывалось передать остатки разбитых частей под командование Ма Юкуня — разве это не откровенный захват чужих войск?

Куда хуже было то, что лагерь Лутай представлял собой пустую оболочку без гроша за душой. Прежде, пока живой легендой оставался чжилийский тиду Не Шичэн, местные чиновники еще

соблюдали приличия и исправно поставляли причитающуюся долю серебра. Этих средств не хватало на полное жалованье, но на содержание лагеря вполне хватало.

Теперь же об этих субсидиях нечего было и думать — никто больше о них не вспоминал. Если императорскому двору и в голову не приходило проявлять заботу, то местное чиновничество уж точно не стало бы бросать белое серебро на ветер. В подобных обстоятельствах осиротевшую армию Лутая ждали лишь два возможных исхода: либо самопроизвольный роспуск, либо поглощение другими соединениями.

Желающих прибрать к рукам столь закаленное в боях войско находилось немало: Ма Юкунь — один из них, Юань Шикай — другой.

Нет ничего удивительного в том, что чужаки вроде Ма и Юаня не спускали глаз с остатков армии Не Шичэна. После сокрушительного поражения в войне 1894 года цинский двор, извлекая горькие уроки, начал эксперименты с обучением войск по новому западному образцу. Войско Не Шичэна, стяжавшее первую славу на перевале Мотяньлин, изначально вошло в число первых пилотных подразделений.

Не сумей тогда Юань Шикай отличиться при подавлении Ста дней реформ, Уи-цзюнь Не Шичэна вполне могла бы вытеснить людей Юаня с полигона в Сяочжане.

Но все это дела давно минувших дней.

Вспоминать о них теперь без толку, однако сей факт наглядно доказывал: боеспособность частей Не Шичэна оставалась на высоте, превосходя по меньшей мере выучку людей Ма Юкуня и Сун Цина.

Любой здравомыслящий человек зарился на столь крепкую боевую единицу, и Лэй Чжэнь, будучи прямым учеником покойного наставника, разумеется, не собирался оставаться в стороне, когда его соратники и боевые братья бедствовали.

Помимо чисто прагматичного расчета усилить собственные позиции, вид заморенного лица Ван Сицая вызывал у Лэй Чжэня чисто человеческую жалость. Старые обиды поросли быльем: в конце концов, им довелось плечом к плечу сражаться под стенами Тяньцзиня, так что они были боевыми товарищами. Когда в казне не было ни гроша, всем приходилось затягивать пояса, но теперь дело обстояло иначе. По сравнению с нищенствующими сиротами из Лутая, у Лэй Чжэня пусть и не водилось гор золота, но протянуть руку помощи он вполне мог.

— Ну что вы, господин сотник, какие слова! — Лэй Чжэнь кивнул, улыбнувшись Ван Сицаю. — Я же с самого начала говорил: оставаться или уходить — личное дело каждого. Уйти тогда было твоим правом, а теперь я с радостью приветствую твое возвращение. И не только твое — двери открыты для всех остальных братьев. Все мы — люди покойного генерала Не. Кто из нас посмеет забыть его доброту? Разве не так?

Великие дела вершатся с широким размахом.

Отвергни он возвращение Ван Сицая сейчас — прослыл бы мелочным скрягой. Прими его с распростертыми объятиями — и за Ван Сицаем в Кайпин потянутся и другие офицеры и солдаты Лутая.

— Наставник Лэй, вы же понимаете: я бы и рад привести с собой побольше людей, да только командир Фэн держит гарнизон в Лутая в ежовых рукавицах, там шагу ступить не дают! — услышав согласие, Ван Сицай просиял, но тут же затянул привычную песню о трудностях.

Этот прохвост не верил ничему, пока не видел выгоды; явно торговался. Хм, неужели этот малый думал, что Лэй Чжэнь так легко обвести вокруг пальца?

Фэн Ихэ сейчас самому бы удержаться на плаву — где уж ему следить за вверенными частями? Похоже, без демонстрации козырей этот дуболом по-хорошему не поймет.

С этой мыслью Лэй Чжэнь неспешно поднялся со стула и снял с резной красного дерева подставки личную саблю Не Шичэна.

Раздался звонкий металлический щелок — клинок вылетел из ножен, сверкнув ослепительным холодной синевой светом, от которого окружающим невольно захотелось отвести глаза.

— Генерал!

Ван Сицай испуганно вскрикнул, а в его глазах застыло благоговейное почтение: очевидно, ему доводилось не раз видеть эту саблю при жизни командующего. Увидеть же столь дорогую сердцу реликвию почитаемого военачальника — это ли не сильнейшее потрясение для старого вояки?

— Это единственное, что осталось после генерала. Передавая ее мне, он завещал: армия Уи не должна рассеяться. Даже если в строю останется последний боец, знамя армии Уи должно развеяться до конца.

Лэй Чжэнь бережно протирал клинок чистой тряпицей, произнося эти слова с покрасневшими глазами. Армия Уи — таково было подлинное имя стократно проверенной в боях славной гвардии Не Шичэна. В лихом 1895 году — под Пхеньяном, на Мотяньлине, у Ляньшаньгуаня — их знамена гордо реяли в небесах, никогда не склоняясь перед врагом.

— Наставник Лэй, я верю словам генерала! Будьте уверены: раз Ван Сицай решил примкнуть к вам, с этого дня я пойду за вами хоть в огонь, хоть в воду, и никаких жалоб с моих губ не сорвется! — глаза Ван Сицая налились кровью, а губы беззвучно шевелились. Глядя на залитый некогда кровью клинок, он словно вновь перенесся на охваченные пламенем поля сражений и снова услышал зычный голос Не Шичэна.

Пусть он был падох до денег, но мужества ему не занимать. И сейчас именно эта обагрённая кровью реликвия вновь разбудила в нем затаенную солдатскую удаль.

Стоявший рядом и во все глаза наблюдавший за этим эмоциональным спектаклем Сун Чжаньбяо опешил. Разве генерал говорил что-то подобное? Он хоть убей не помнил — в тот момент осколок японской пули тридцатого года пробил ему живот, и он пребывал в полубессознательном состоянии.

— Хорошо, раз пришли — значит, всё к лучшему! Старый Сун, чего стоишь столбом? Живо вели кухне готовить горячую еду, надо накормить Сицая и остальных братьев с дороги! — невозможно отдал приказ Лэй Чжэнь.

Вместе с Ван Сицаем прибыло примерно около сотни человек — целый взвод. Пусть численность была невелика, пример оказался заразительным. После этого первого шага можно было не сомневаться: томившиеся в неизвестности и тоске старые вояки из лутайских казарм потянутся сюда один за другим. А для Лэй Чжэня, стремившегося укрепить свою мощь, упускать столь блестящую возможность было просто преступно.

Что ж, эта сделка оказалась на редкость выгодной: отпустив одного Ван Сицая, он вернул целый хвост последователей. Когда Сун Чжаньбяо и Ван Сицай откланялись и вышли, Лэй Чжэнь наконец опустил саблю на стол, а на его губах заиграла довольная улыбка.

Помимо старых вояк из Лутая, Лэй Чжэнь положил глаз на имевшуюся в гарнизоне артиллерию. Общий арсенал артиллерии Предивой армии Увэй насчитывал: шестнадцать 75-мм пушек Круппа, тридцать две 60-мм пушки Круппа, около тридцати двух 57-мм полевых и горных скорострельных пушек системы Грютцена, несколько 37-мм скорострелок Круппа и два пулемета Максима. Боеприпасы же делились на четыре типа: фугасные снаряды для разрушения укреплений, редутов и стен; шрапнель для поражения плотных вражеских построений; картечь для расстрела идущей в атаку пехоты и бронебойные стальные ядра для пробивания брони броненосцев.

Одно перечисление этого списка заставляло Лэй Чжэня сидеть как на иголках от вожделения. Во время битвы за Тяньцзинь он знал, что хотя Не Шичэн вывел на позиции десять батальонов, из-за шатаний чжилийского цзунту Юй Лу тяжелые артиллерийские батареи изначально не взяли с собой в бой — такие мощные орудия, как 75-мм и 60-мм калибры, мирно пылились в лагере Лутай.

Если бы удалось раздобыть хотя бы пару стволов из этих тяжелых и скорострельных пушек, боевая мощь отряда Лэй Чжэня возросла бы больше чем вдвое.

К вечеру стараниями Лэй Чжэня, щедро одобренными горячей едой, добрым вином и звонкой серебряной монетой, у Ван Сицая и его солдат не осталось никаких сомнений в правильности решения идти к людям Кайпина. Он пообещал вернуться в лагерь Лутай, чтобы тайком подбить на побег новых единомышленников, а заодно прихватить с собой орудия и стрелковое оружие.

Надо признать, работоспособность Ван Сицая поражала воображение: всего три дня спустя он тайком перетянул к ним еще три взвода. Благодаря этому все потери от прежнего бегства Ван Сицая оказались с лихвой восполнены.

Успехи в вербовке шли столь гладко, что Лэй Чжэнь без колебаний передоверил всю агитационную работу среди старых сослуживцев Не Шичэна в Лутая дуэту Сун Чжаньбяо и Ван Сицая.

Эти двое дополняли друг друга идеально: у одного имелся непререкаемый авторитет, у другого — изворотливый ум.

Сентябрь — традиционно пора сбора урожая, но только не в этот год.

Иноземное вторжение ввергло некогда зажиточную провинцию Чжили в пучину голода и разрухи. Толпы беженцев заполнили дороги, уездные управы превратились в пустые декорации, и все вокруг говорило о том, что настоящие испытания еще впереди.

Не получая никакой помощи от местных властей, лутайский гарнизон по-прежнему прозябал в нужде. Однако по мере того, как число перебежчиков росло, Лэй Чжэнь перестал беспокоиться о возможном расформировании собственного отряда — охрана рудников, обеспеченная пайком и жалованьем, горела боевым духом.

<http://bllate.org/book/21116/2142725>